СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 7.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1879 ГОДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ 29-ГО ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

М. И. Сухомлиновымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1879 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1879 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжаетъ дѣятельность свою въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны учредительнымъ актомъ, слившимъ въ одно цѣлое два самостоятельныя учрежденія: Академію наукъ и Россійскую академію. Многія черты этого акта сближаютъ его съ началами и требованіями, усвоенными Россійскою академіею и переходившими какъ преданіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

При самомъ учрежденіи Россійской академіи главными предметами ея занятій признаны отечественный языкъ и словесность; сверхъ того выражена увѣренность, что академики обратятъ вниманіе и на отечественную исторію — на изученіе памятниковъ минувшаго быта, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, въ эпоху преобразованій, ознаменовавшихъ начало царствованія этого государя, дошла очередь и до Россійской академіи. Для преобразованія ея призваны были представители науки и литературы, и въ составленномъ ими проектѣ указаны для академіи въ сущности тѣ же задачи, которыя намѣчены и при ея основаніи. Въ проектѣ сказано: да посвятитъ академія труды свои усовершенствованію русской словесности, постановленію правилъ

языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ произшествій и древностей отечества. Обнимая весь кругъ словесности, академія должна стремиться къ тому, чтобы возбуждать литературную дѣятельность вѣрною оцѣнкою произведеній и какъ бы предугадываніемъ общественнаго мнѣнія — «предчувствованіемъ общаго мнѣнія».

Проектъ академическаго устава, выработанный въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, такъ и остался проектомъ. Силу закона получилъ другой уставъ, написанный уже во второй періодъ царствованія императора Александра I. На основаніи этого устава, первая обязанность академіи заключалась въ попеченіи о языкѣ, вторая — въ содѣйствіи успѣхамъ словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ академія должна была заботиться, и притомъ съ особенною ревностію, объ изданіи: словаря русскаго языка, русской грамматики и свода славянскихъ нарѣчій, а равно и объ изданіи произведеній знаменитыхъ писателей съ біографическими очерками и съ примѣчаніями, полезными для языка и словесности. Заботы о языкѣ должны были состоять въ охраненіи его «нравственности, цѣломудрія и чистоты». Съ понятіемъ о цѣломудріи тѣсно связано понятіе о неприкосновенности, о недоступности для посторонняго вліянія. Поэтому для сохраненія цѣломудрія въ литературѣ необходимо было, по мнѣнію составителей устава, оградить ее отъ вмѣшательства цензуры. Вотъ подлинныя слова устава: «Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихъ благонравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои безъ всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной». Независимость отъ посторонней цензуры была существеннымъ правомъ для ученаго учрежденія не только въ то время, но и впослѣдствіи Довольно вспомнить обвиненія, взведенныя въ былое время на двухъ членовъ академіи наукъ: Кеппена и Гамеля. Академикъ Кеппенъ напечаталъ небольшую статью подъ названіемъ «Почтовыя сообщенія»: въ статьѣ этой увидѣли непростительную смѣ-

лость касаться дѣйствій почтоваго вѣдомства, а слова Кеппена: «наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ» признаны крайне либеральными и опасными для общественнаго спокойствія. Случайная замѣтка о томъ, что технологическій институтъ въ Петербургѣ основанъ по мысли академика Гамеля послужила поводомъ къ самымъ серьезнымъ пререканіямъ между министромъ финансовъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, находя, что подобныя замѣтки, развивая тщеславіе и самохвальство авторовъ, подрываютъ довѣріе публики къ министерству финансовъ и ослабляютъ уваженіе къ правительственной власти, требовалъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія принялъ энергическія мѣры. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, что онъ не находитъ рѣшительно ничего предосудительнаго въ замѣткѣ, а если она невѣрна, то всего лучше опровергнуть ее печатно на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Канкринъ былъ оскорбленъ подобнымъ предложеніемъ, обвинялъ министра народнаго просвѣщенія въ бездѣйствіи власти, и самъ придумалъ: мѣру; обо всемъ этомъ довелъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

Въ 1841 году послѣдовало преобразованіе Россійской академіи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Судя по многимъ даннымъ, Россійская академія присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ Отдѣленія по личной волѣ императора Николая и не совершенно согласно съ докладомъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ, С. С. Уваровъ, предлагалъ подъ общимъ названіемъ: «Императорскія соединенныя академіи» открыть три учрежденія:

1) Академію наукъ,

2) Академію русской словесности, и

3) Академію исторіи и филологіи.

Въ случаѣ утвержденія этого проэкта Уваровъ ходатайствовалъ о принятіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, званія канцлера соединенныхъ академій. Императоръ Николай не изъявилъ согласія ни на учре-

жденіе званія канцлера, ни на открытіе соединенныхъ академій, и повелѣлъ изъ россійской академіи образовать второе отдѣленіе академіи наукъ. Въ кругъ занятій второго отдѣленія — говорится въ его уставѣ — входятъ:

1) Основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка; начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря.

2) Изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ относительно къ языку русскому и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря.

3) Славянорусская филологія вообще и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ отдѣленія, ему не чуждо будетъ все, входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Первыми членами новаго отдѣленія академіи наукъ — отдѣленія русскаго языка и словесности — были такія свѣтила русской литературы, какъ Жуковскій, Крыловъ и князь Вяземскій, и такіе ученые, какъ Востоковъ — безспорно, одинъ изъ первостепенныхъ филологовъ Европы девятнадцатаго столѣтія. Въ члены отдѣленія избраны и два духовныя лица, два знаменитые проповѣдника того времени: митрополитъ Филаретъ и епископъ Иннокентій, подобно тому, какъ при учрежденіи россійской академіи въ члены ея избранъ митрополитъ Гавріилъ, представитель всего русскаго духовенства въ законодательной комиссіи, созванной Екатериною II для составленія проекта новаго уложенія.

Къ славнымъ именамъ Гавріила, Филарета, Иннокентія, присоединилось впослѣдствіи имя достойнаго ихъ преемника — епископа, нынѣ митрополита, Макарія, ученые труды котораго составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу русской науки. Въ нынѣшнемъ году высокопреосвященный Макарій получилъ новое назначеніе — возведенъ въ санъ митрополита московскаго и коломенскаго. Въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщены слова и рѣчи, произнесенныя митрополитомъ Макаріемъ

въ его новой епархіи [1]). Въ словѣ надъ гробомъ своего сочлена по Академіи наукъ и по миссіонерскому обществу, Сергѣя Михайловича Соловьева, ораторъ указалъ яркими и вѣрными чертами значеніе труженической жизни покойнаго и его заслуги передъ наукою и передъ Россіею. Сочувствіе преосвященнаго къ подвигамъ науки выражается не только словомъ, но и дѣломъ. Не можемъ умолчать о предпріятіи, которому суждено занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки, и душою котораго является почтенный сочленъ нашъ, митрополитъ Макарій. По мысли митрополита-академика снова предпринимается начатое незабвеннымъ Горскимъ описаніе рукописей московской синодальной библіотеки, и къ веденію этого дѣла призваны такія научныя силы, которыми по справедливости могло бы гордиться любое изъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Къ описанію рукописей приглашены профессора московскаго университета: А. С. Павловъ, пріобрѣвшій такую громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіямм и открытіями въ области церковнаго права, и В. О. Ключевскій, котораго самъ Соловьевъ избралъ своимъ преемникомъ по каѳедрѣ русской исторіи. Представленіе преосвященнаго Макарія касательно описанія рукописей синодальной библіотеки уже внесено въ святѣйшій правитель-

---

[1]) Въ 1879 году митрополитомъ Макаріемъ произнесены, и явились въ печати слѣдующія слова и рѣчи: 1) При вступленіи на каѳедру московской епархіи, 10-го мая. 2) Въ годичномъ собраніи православнаго миссіонерскаго общества, 13-го мая. 3) При первомъ посѣщеніи троицко-сергіевой лавры, 18-го мая. 4) При первомъ священнослуженіи въ московской духовной академіи, 21-го мая. 5) въ день владимірской чудотворной иконы Богородицы, 23-го іюня 6) въ день равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля. 7) Въ день успенія пресв. Богородицы. 15-го августа. 8) Въ день свящ. вѣнчанія и миропомазанія Государя, 26-го августа. 9) По освященіи храма въ московской центральной тюрьмѣ, 23-го сентября. 10) При отпѣваніи С. М. Соловьева, 7-го октября. 11) Въ годичномъ засѣданіи комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, 12-го октября. 12) Въ годичномъ собраніи общества любителей духовнаго просвѣщені. въ Москвѣ, 22-го октября. 13) При освященіи храма въ лицеѣ цесаревича Николая, 16-го ноября. 14) По вступленіи Его Величества въ Успенскій соборъ, 20-го ноября.

ствующій синодъ, отъ котораго и зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Въ истекающемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности старѣйшаго изъ членовъ нашего Отдѣленія, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго, имя котораго извѣстно во всѣхъ концахъ славянскаго міра. И. И. Срезневскій началъ свою ученую дѣятельность въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ статистику. Но съ самой ранней молодости его влекло къ себѣ изученіе славянства — области совершенно новой, непочатой, но сулившей богатую жатву для дѣлателей. Срезневскій прошелъ превосходную, живую школу въ изученіи славянства. Учась и уча въ харьковскомъ университетѣ, онъ собиралъ памятники народнаго языка и словесности: пѣсни, пословицы, преданья, повѣрья, образцы говоровъ и т. п. Путешествуя по славянскимъ землямъ, онъ обращался преимущественно къ живымъ источникамъ — жилъ среди народа, изучалъ его языкъ, бытъ, его нравы и обычаи, имѣя въ виду, что живое знакомство съ народомъ можетъ доставить неистощимо-богатый матеріалъ для филологическихъ и этнографическихъ выводовъ и соображеній. Возвратившись въ отечество съ превосходнымъ знаніемъ славянскихъ языковъ и быта славянскихъ народовъ, И. И. Срезневскій обратился съ свойственною ему энергіею къ изученію письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины и древности; къ изслѣдованіямъ по филологіи и словесности постепенно присоединялъ онъ и розысканія въ области археологіи. Обнимая такимъ образомъ различныя стороны народной жизни, простирая свою пытливость и на живое слово и на безмолвные остатки и затаенные слѣды исчезнувшаго быта, И. И. Срезневскій разширялъ все болѣе и болѣе кругъ своихъ изысканій, все сильнѣе и сильнѣе возбужалъ любовь къ наукѣ въ молодыхъ поколѣніяхъ, получавшихъ научное образованіе подъ его истинно-ученымъ руководствомъ. Въ истекшій полувѣковой періодъ своего служенія наукѣ, И. И. Срезневскій обогатилъ русскую и славянскую литературу множествомъ изслѣдованій, проливших

свѣтъ на труднѣйшіе вопросы въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, русской и славянской литературы и образованности. Въ вышедшемъ ко дню пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго библіографическомъ спискѣ его сочиненій и изданій названо 340 трудовъ. Къ этому огромному количеству нашъ неутомимый изслѣдователь присоединилъ въ этомъ году еще слѣдующіе труды:

1) Продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. Отпечатана часть третьяго тома этого труда, заключающая въ себѣ, въ ряду другихъ памятниковъ, сборникъ древнихъ болгарскихъ грамотъ и другихъ записей, составленный преимущественно по подлинникамъ и фотографическимъ снимкамъ.

2) Записка о сборникѣ пятнадцатаго вѣка, принадлежащемъ московскому архиву иностранныхъ дѣлъ. И. И. Срезневскій представилъ обозрѣніе всего сборника по частямъ, преимущественно въ отношеніи къ языку, и пришелъ къ заключенію, что этотъ сборникъ есть одинъ изъ хронографовъ русской работы, составленный по разнымъ источникамъ, и что эта работа можетъ быть отнесена къ тринадцатому вѣку; занимался же ею, по всей вѣроятности, кто-либо въ западной Руси, на Волыни, или гдѣ-нибудь недалеко отъ литовскихъ поселковъ.

3) Обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка. Обозрѣніе это, составляющее новое, переработанное изданіе замѣчательнаго труда нашего сочлена, въ настоящее время печатается.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ печатать біографію Державина, отдѣлывая въ то же время и дополняя рукописный текстъ ея. Съ этою цѣлью, по ходатайству Отдѣленія, испрошено академику Высочайшее разрѣшеніе извлечь нужныя ему свѣдѣнія изъ архивовъ: кабинета Его Императорскаго Величества и комитета министровъ. Въ настоящее время напечатано сорокъ восемь листовъ біографіи, и изложеніе ея въ печати доведено до конца царствованія Павла Петровича. Нынѣ авторъ

занимается окончательнымъ просмотромъ эпохи Александра I. Приложенія къ біографіи составятъ девятый и послѣдній томъ изданія.

Сверхъ того академикъ Я. К. Гротъ предпринялъ два новые труда:

1) Изданіе, по порученію Отдѣленія, сочиненій и переписки П. А. Плетнева на основаніи хронологическаго списка всѣхъ трудовъ покойнаго, давно уже составленнаго нашимъ сочленомъ и провѣреннаго по такому же списку, составленному С. И. Пономаревымъ. Въ это изданіе предполагается включить также найденныя въ бумагахъ Плетнева письма многихъ писателей, бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, какъ-то: Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, князя Вяземскаго и другихъ, а также письма самого Плетнева къ разнымъ лицамъ.

2) Изданіе, по порученію Русскаго Историческаго общества, писемъ энциклопедиста Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Письма Екатерины II къ этому писателю, составившія объемистый томъ и дающія весьма любопытные и важные матеріалы для характеристики геніальной женщины, изданы были трудами академика въ прошломъ году. Письма Гримма къ ней сохранились далеко не въ той полнотѣ, въ какой дошли до насъ письма императрицы. Только нѣкоторыя изъ писемъ Гримма — писемъ пятьдесятъ съ небольшимъ — найдены частію въ Государственномъ архивѣ, частію въ архивѣ князя Воронцова; но и то, что найдено, составитъ весьма цѣнное дополненіе къ перепискѣ Екатерины II.

Въ послѣднее время академикъ Гротъ разсматривалъ препровожденный въ Отдѣленіе г. президентомъ Академіи наукъ трудъ сенатора Сергѣя Ивановича Зарудnаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X Наказа Екатерины II и современными русскими законами». Поводомъ къ передачѣ этой книги въ Отдѣленіе было стараніе переводчика замѣнить иностранныя слова чисто русскими, вопреки обычаю большинства нашихъ современныхъ писателей. Представивъ свой

трудъ, г. Зарудныи выразилъ желаніе, чтобы Академія дала свой отзывъ объ этой сторонѣ его изданія.

Сущность мнѣнія, выраженнаго академикомъ Гротомъ и одобреннаго Отдѣленіемъ, заключается въ томъ, что составитель представленной книги безспорно заслуживаетъ благодарность за энергическое противодѣйствіе недостатку, замѣчаемому въ нашемъ литературномъ языкѣ. Конечно между иностранными словами, такъ обильно употребляемыми у насъ, необходимо отличать давно укоренившіяся и притомъ пріобрѣтшія право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ тѣхъ нововведеній, какія позволяютъ себѣ писатели безъ надобности, по той именно лѣности ума, которою переводчикъ Беккаріи объясняетъ осуждаемое имъ злоупотребленіе. Предпочтеніе многихъ иностранныхъ словъ основывается просто на томъ, что они, сдѣлавшись общеевропейскими, привычнѣе намъ и сподручнѣе неупотребительныхъ собственныхъ, каковы напр. слова: лагерь, дуэль, монахъ, литература, танцовать, которыя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной сферѣ употребленія языка, совершенно вытѣснили русскія слова: станъ, поединокъ, инокъ, словесность, плясать. Можно поспорить съ переводчикомъ Беккаріи, когда онъ въ числѣ иностранныхъ словъ, возбуждающихъ досаду въ читателѣ, приводитъ слѣдующія: характеризовать, категорія, соціальный, догматическій, безъ которыхъ ни одинъ европейскій языкъ не умѣлъ обойтись. Трудно не согласиться съ Як. Гриммомъ, что взаимный обмѣнъ словами, какъ и предметами, служитъ къ обогащенію народовъ, и потому совершенно изгнать изъ языка чужія слова значило бы обѣднить его. Этого впрочемъ и не требуетъ г. Зарудный. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ способѣ, какимъ онъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, употребляя, смотря по оттѣнку значенія, то одно, то другое русское слово для передачи одного и того же иностраннаго. Переводчикъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ напримѣръ: «Если мы будемъ оставлять иностранный терминъ «республика», то собьемъ съ толку читателя, ибо этотъ терминъ употребляется писателями въ смыслѣ и обще-

ства и правительства и государства; удерживать въ переводѣ слово «республика» можно въ такомъ только случаѣ, когда оно употребляется въ особенномъ, исключительномъ, видовомъ его значеніи, напримѣръ: французская республика». Такимъ образомъ надобно признать, что С. И. Зарудный въ отношеніи къ языку счастливо выполнилъ задачу, которую предположилъ себѣ, и попытка его должна служить для русскихъ писателей если не въ полномъ смыслѣ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ побужденіемъ — въ употребленіи иностранныхъ словъ соблюдать бо́льшую обдуманность и разборчивость.

Академикъ Я. К. Гротъ занимался также подготовленіемъ нѣкоторыхъ главъ составляемой имъ русской грамматики. Изслѣдованія нашего сочлена, имѣющія такое важное научное значеніе, принесли всѣстѣ съ тѣмъ прямую и неотрицаемую пользу для преподаванія отечественнаго языка. Доказательствомъ этому служитъ довольно значительное количество учебниковъ, заимствовавшихъ и многія подробности, и — что всего важнѣе — основныя положенія изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота. Трудомъ его воспользовался и корифей нашей грамматической литературы Ф. И. Буслаевъ въ послѣднемъ изданіи своей учебной грамматики. Для вѣрной оцѣнки изслѣдованій Я. К. Грота. изданныхъ имъ подъ названіемъ «Филологическихъ разысканій», необходимо имѣть въ виду, какихъ усилій и какихъ обширныхъ научныхъ средствъ требуетъ разъясненіе многихъ, съ виду самыхъ простыхъ явленій въ языкѣ, и въ какомъ состояніи находились многіе вопросы до тѣхъ поръ, пока за рѣшеніе ихъ принялся авторъ «Филологическихъ разысканій». Тысячи причинъ внесли въ нашу грамматику вообще и въ правописаніе въ особенности столько путаницы, такую массу правилъ, схоластическихъ тонкостей и столько произвола, что для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, требуется и критическій взглядъ, и настойчивость труда, и обширная филологическая ученость. а вмѣстѣ съ тѣмъ и чутье языка.

Во Франціи судьба буквъ рѣшалась иногда парламентомъ; у

насъ бывали случаи, что рѣшеніе спорныхъ вопросовъ правописанія принимала на себя администрація. Въ вопросахъ объ употребленіи той или другой буквы, о значеніи того или другого слова или оборота и т. п. считали себя вполнѣ компетентными судьями: и литераторы различныхъ партій и различной степени образованности, и канцелярскіе чиновники, и члены окружнаго суда, и т. д.

Правила объ употребленіи буквы ѣ, изданныя Россійскою академіею, подняли страшную бурю. Одинъ изъ литераторовъ, занимавшій видное мѣсто въ канцеляріи министра, считалъ себя обязаннымъ по службѣ не употреблять буквы ѣ въ словахъ: бѣлена и апрѣль, усматривая въ изданіи книжекъ съ неправильнымъ употребленіемъ буквы ѣ орудіе для распространенія въ обществѣ заблужденій. Протестъ свой онъ прислалъ на имя президента академіи Шишкова. Посовѣщавшись съ своими сочленами, Шишковъ постановилъ: всѣ мнѣнія, какъ за букву ѣ, такъ и противъ нея, препроводить къ высшему начальству.

Буква ѳ произвела нѣкоторый расколъ въ самомъ мирномъ уголку человѣческаго общества, именно въ кругу математиковъ. Одни изъ нихъ называли себя, какъ называютъ и теперь, математиками, а науку свою — математикою; другіе же, слѣдуя давнему обычаю, называли себя не иначе, какъ маѳематиками, и свою науку — маѳематикою. Разногласіе исчезло въ маѣ 1818 года, вслѣдствіе распоряженія президента академіи наукъ С. С. Уварова, который предложилъ конференціи, чтобы въ началѣ каждаго тома академическихъ актовъ помѣщать краткое историческое извѣстіе академіи, какъ это дѣлается во французскихъ актахъ и чтобы вмѣсто слова: маѳематика вездѣ употреблять слово математика, принятое уже Ломоносовымъ.

Буква ъ выдержала упорную борьбу за существованіе. Гоненіе на злосчастную букву и защита ея образуютъ цѣлую литературу, въ которой принимали участіе и академикъ Тредьяковскій, и профессоръ Барсовъ, и президентъ (директоръ) академіи наукъ Домашневъ, и баронъ Александръ Гумбольдтъ и другіе

ученые и писатели; по поводу этой буквы объявляемы были высочайшія повелѣнія.

О Домашневѣ находимъ слѣдующее, довольно характерное замѣчаніе въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы: «въ словесности русской извѣстенъ онъ особенно гоненіемъ на букву ъ».

Во время пребыванія своего въ Россіи Гумбольдтъ желалъ хотя сколько-нибудь ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и при первомъ же знакомствѣ буква ъ показалась ему и неуклюжею на видъ и безполезною. Одинъ изъ русскихъ собесѣдниковъ Гумбольдта прислалъ ему будто бы отъ самой буквы ъ письмо, въ которомъ защищалъ ее и преклонностію ея лѣтъ, т. е. давностію употребленія, и пригодностью ея для избѣжанія двусмыслія; безъ нея слова: обѣдать и объѣдать писались бы совершенно одинаково. Гумбольдтъ заключилъ мировую съ буквою ъ, а отзывъ свой объ ея наружности оправдывалъ тѣмъ, что онъ, какъ натуралистъ, привыкъ обращать вниманіе на формы и по нимъ дѣлать заключеніе о предметахъ.

Первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій былъ ревностнымъ защитникомъ буквы ъ. Императоръ Александръ I также признавалъ ее необходимою и запрещалъ изгонять ее изъ печати. Императору Александру I представлено было въ рукописи переведенное Языковымъ, неупотреблявшимъ буквы ъ, сочиненіе Шлецера о лѣтописи Нестора. Государь повелѣлъ: русскій переводъ Языкова напечатать на счетъ Кабинета, но съ тѣмъ, чтобы въ печатномъ изданіи непремѣнно употреблена была буква ъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ея недостаетъ въ рукописи. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I одинъ польскій литераторъ поднесъ ему оду «Богъ» Державина въ польскомъ переводѣ, напечатанномъ съ русскимъ подлинникомъ, въ которомъ не употреблялась буква ъ. Императоръ приказалъ препроводить поднесенную ему брошюру къ министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мѣры къ запрещенію подобнаго печатанія безъ буквы ъ.

Много изобрѣтательности потратили авторы грамматикъ на придумываніе различныхъ тонкостей въ правописаніи. Постановляя правила употребленія прописныхъ буквъ, очевидно, желали величину буквъ привести какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ высотою общественнаго положенія лицъ. Вслѣдствіе этого въ грамматикахъ явилось правило: прописныя буквы ставятся въ началѣ званія высокихъ особъ и ихъ достоинствъ и въ именахъ почтенныхъ чиновъ, какъ напримѣръ: Митрополитъ, Фельдмаршалъ, Генералъ, Князь, Графъ и т. п. Авторы болѣе либеральные въ число почтенныхъ чиновъ включали и капитана и титулярнаго совѣтника и губернскаго секретаря. Только четыре лица навсегда лишены были права писаться большими буквами: солдатъ, матросъ, дьячокъ и пономарь. Чтобы выйдти изъ области бюрократіи и придать вопросу грамматическую окраску, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ придумалъ такое правило: чины, титла, ученыя и другія званія требуютъ прописной буквы; но эти же самыя слова, не означая собственно титла или чина, начинаются строчными буквами. Слово: члены въ смыслѣ членовъ комиссіи, комитета и т. п. слѣдуетъ начинать прописною буквою; но если съ этимъ названіемъ не соединено никакихъ служебныхъ преимуществъ, то право на прописную букву теряется, напримѣръ: «у него боль во всѣхъ членахъ» и т. п.

Право гражданства не только лицъ въ государствѣ, но и словъ въ языкѣ, опредѣлялось у насъ различными вѣдомствами. Приведу любопытный примѣръ изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота: «Удочерять, удочереньe—терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: усыновлять, усыновленіе, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство государственнымъ совѣтомъ. Съ филологической точки зрѣнія слово удочереньe такъ же хорошо, какъ слово замужство въ отличіе отъ женитьбы. Для непринятія словъ: удочерить, удочереньe нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: adoptare, adoptio. Еслибы ру-

ководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ выраженій — отъ женитьбы или отъ замужства, ибо во французскомъ и нѣмецкомъ есть только le mariage, die heirath. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны».

Шаткость и неопредѣленность многихъ грамматическихъ правилъ, невѣрная постановка вопросовъ, разнообразіе мнѣній и господство укоренившихся привычекъ представляли чрезвычайныя трудности для филологическихъ изслѣдованій, для отысканія законовъ, которые должны замѣнять правила и мнѣнія. Сочленъ нашъ доискивался законовъ языка и подвергалъ критической оцѣнкѣ каждое правило, устраняя все произвольное, все несогласное съ духомъ и законами языка. Разбирая основы нашего правописанія, онъ обращался и къ языку писателей, и къ говору народа, и къ постановкѣ орѳографическаго вопроса у другихъ народовъ: у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, у итальянцевъ у испанцевъ, у датчанъ и т. д. При такомъ строго-научномъ направленіи филологическихъ работъ Я. К. Грота нельзя сомнѣваться въ томъ сочувствіи, съ которымъ будетъ встрѣчена составляемая имъ русская грамматика.

Ординарнымъ академикомъ Бычковымъ окончены въ этомъ году печатаніемъ два труда: библіологическій словарь П. М. Строева — по матеріаламъ, завѣщаннымъ имъ Академіи наукъ, и второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ императорской публичной библіотекѣ.

Библіологическій словарь, при составленіи котораго имѣлось въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій, къ сожалѣнію, не былъ доведенъ Строевымъ до конца и сохранился въ наброскахъ и замѣткахъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ теперь является, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по мысли, которая легла въ его

основаніе — дать занимающемуся указаніе, въ какихъ библіотекахъ онъ можетъ найдти то или другое сочиненіе, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ, которыя въ немъ заключаются.

Во второмъ выпускѣ описанія рукописныхъ сборниковъ Публичной библіотеки представлено содержаніе до тридцати сборниковъ самаго разнообразнаго состава. Академикомъ Бычковымъ, при описаніи сборниковъ, открыто нѣсколько неизвѣстныхъ сочиненій и между прочимъ историческая пѣсня, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, о взятіи Смоленска въ 1654 году.

Сверхъ того академикъ Бычковъ принималъ дѣятельное участіе, по званію предсѣдателя, въ трудахъ комиссіи, Высочайше учрежденной для описанія дѣлъ синодальнаго архива, и въ вышедшей первой части второго тома ему принадлежитъ описаніе около двухъ сотъ дѣлъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ этомъ году въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности нѣсколько своихъ мемуаровъ, частью напечатанныхъ, частью рукописныхъ. Изслѣдованія академика Веселовскаго, какъ глубокаго знатока средневѣковыхъ литературъ романскихъ и германскихъ народовъ, вносятъ много свѣта въ одну изъ самыхъ загадочныхъ для науки областей русской древней словесности. Въ трудахъ нашего сочлена вопросъ объ отношеніи устной словесности къ памятникамъ словесности письменной, русской и иностранной, поставленъ на реальную почву. Авторъ съ чрезвычайною внимательностію слѣдитъ за каждою чертою, каждымъ намекомъ, каждымъ варіантомъ, и указываетъ связь основы содержанія, мотивовъ и подробностей русскихъ произведеній съ произведеніями византійскаго и западно-европейскаго эпоса.

Въ одномъ изъ собраній Отдѣленія А. Н. Веселовскій сообщилъ весьма любопытное новое свидѣтельство, касающееся Ильи Муромца.

Тотъ же академикъ читалъ въ собраніяхъ академіи изслѣдованіе свое подъ названіемъ: Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ.

Только-что отпечатано начало обширнаго труда А. Н. Весе-

ловскаго: «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Отпечатанная часть труда заключаетъ въ себѣ самое тщательное разсмотрѣніе греческаго апокрифа о св. Ѳеодорѣ.

Въ этомъ году Отдѣленіе понесло тяжелую, невознаградимую потерю. 4-го октября скончался въ Москвѣ ординарный академикъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, знаменитый историкъ Россіи Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Извѣстіе о его кончинѣ было печальною, горестною вѣстію для Академіи наукъ, для всѣхъ русскихъ университетовъ, для всѣхъ просвѣщенныхъ людей русской земли. Не стало великаго труженика русской науки, не стало одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей девятнадцатаго столѣтія. Покойный трудился для науки и для Россіи съ изумительнымъ постоянствомъ и силою воли; его неустанная работа, его закаленное трудолюбіе служатъ блестящимъ опроверженіемъ того огульнаго обвиненія въ неспособности русскихъ къ упорному труду, которое съ такимъ удовольствіемъ повторяютъ на разные лады наши явные и тайные недоброжелатели. Соловьевъ, человѣкъ въ полномъ смыслѣ русскій, русскій по крови и по духу, русскій до мозга костей, добровольно налагаетъ на себя и безропотно, съ внутреннею радостью, несетъ до гробовой доски то святое бремя труда, въ которомъ другой русскій человѣкъ, Петръ Великій, видѣлъ лучшій удѣлъ и лучшее счастье человѣческой жизни.

Научная дѣятельность Соловьева началась весьма рано — не только съ студенческой, но даже съ гимназической скамьи. При переходѣ изъ гимназіи въ университетъ онъ написалъ вещь до того умную, что ее признали нужнымъ напечатать тогда же, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя сочувственно отзывались о ней наши извѣстные ученые. Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, Соловьевъ пріобрѣлъ громкую извѣстность двумя капитальными историческими трудами: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» и «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома».

Въ 1851 году Соловьевъ издалъ первый томъ своей «Исторіи Россіи», и затѣмъ ежегодно выходилъ новый томъ исторіи,

до конца жизни покойнаго. Всѣхъ томовъ вышло двадцать восемь; они обнимаютъ собою исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Подобно Карамзину, Соловьевъ весь отдался своему великому дѣлу, своимъ историческимъ работамъ, трудился безъ устали, безъ отдыха, съ полнымъ самоотверженіемъ. Когда со всѣхъ концовъ Россіи стали приходить къ нему сочувственные привѣты, онъ отвѣчалъ, что онъ тѣмъ болѣе дорожитъ ими, что ему некогда было искать сочувствія.

На страницахъ «Исторіи Россіи» находится безчисленное множество данныхъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ и представляющихъ рядъ открытій въ области русской исторіи. И вся эта масса матеріаловъ связана въ стройное цѣлое, одушевленя разумною мыслью, при свѣтѣ которой раскрываются передъ читателемъ основныя черты и движеніе исторической жизни нашего отечества. Обязанностью своею, какъ историка, Соловьевъ считалъ слѣдить за взаимною связью явленій и стараться объяснять каждое изъ нихъ причинами внутренними, прежде чѣмъ выдѣлить изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Многое, что въ исторіографіи нашей являлось прежде отрывочнымъ и случайнымъ, получило свой смыслъ и свое историческое значеніе. «Благодаря Соловьеву — говоритъ одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ — раскрытъ былъ смыслъ величайшаго изъ нашихъ всенародныхъ движеній въ смутную эпоху; мракъ, скрывавшій отъ насъ знаменательную эпоху отъ смерти великаго преобразователя до вступленія на престолъ Екатерины II, разсѣялся; участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ перестало казаться намъ случайнымъ, дѣломъ личныхъ отношеній, и явилось событіемъ, вызваннымъ нудящею необходимостью сократить силы скоропостижнаго короля» и т. д. Величайшее событіе русской исторіи — преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ изложено Соловьевымъ вполнѣ исторически, съ объясненіемъ внутренней связи эпохи преобразованія съ предшествующимъ ходомъ русской жизни и ея дальнѣйшимъ движеніемъ, и т. д.

Любовь къ наукѣ сливалась въ Соловьевѣ въ одно нераздѣльное цѣлое съ любовью къ Россіи, съ вѣрою въ русскій народъ. Безъ этой любви и вѣры, безъ внутренней, живой связи съ Россіей и съ русскимъ народомъ, невозможно вѣрное пониманіе русской жизни, ни прошедшей, ни настоящей. Любовь къ Россіи не есть что либо придуманное, условное: она является невольно, сама собою, и въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Соловьевъ принадлежалъ къ тому поколѣнію русскихъ ученыхъ и писателей сороковыхъ годовъ, которое завѣщало своимъ преемникамъ столько благородныхъ идей и стремленій. Даже писатель, изображавшій преимущественно темныя стороны русской жизни и совершенно чуждый патріотическихъ увлеченій, говорилъ, обращаясь къ Россіи и русскому народу:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль...
Народъ—герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца...

При всей любви къ Россіи Соловьевъ не приносилъ въ жертву этому чувству своей великой обязанности какъ историка — быть правдивымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ, не преувеличивая свѣтлыхъ явленій и не умалчивая о темныхъ. И онъ свято исполнилъ эту обязанность. Его выводы — плодъ долгаго, фактическаго изученія и глубокой, безпристрастной думы. На основаніи добросовѣстно изученныхъ и критически провѣренныхъ фактовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что «ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія:

въ каждомъ заключается сильное движеніе и преуспѣяніе». Движущая сила состояла въ сознаніи окружающаго зла, въ нежеланіи мириться съ нимъ и въ стремленіи къ лучшему. «Наука — говоритъ онъ — представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровшимися. Древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто. Когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратились, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ мы станемъ укорять ихъ за то, что они явились передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью?»

Передъ судомъ исторіи истиннымъ представителемъ русскаго народа, по убѣжденію нашего историка, является Петръ Великій. Въ дѣятельности Петра Великаго раскрывается живая связь древней Россіи съ новою и живая вѣра его въ русскій народъ. Уже въ древней Россіи замѣчалось движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю: въ новой Россіи, во времена Петра, движеніе это проявилось съ особенною, неудержимою силою, подготовленною въ предшествующіе вѣка. Какъ истый русскій человѣкъ, Петръ Великій и сознательно и инстинктивно оберегалъ народное достоинство. Когда заведены были новые порядки, понадобились и новые люди: и для войска, и для администраціи, и для дипломатическихъ сношеній. Всего проще, казалось бы, пригласить свѣдущихъ иностранцевъ да и отдать подъ ихъ команду русскихъ неучей: такъ думали нѣкоторые изъ маленькихъ великихъ людей. Но не такъ думалъ истинно великій и истинно русскій человѣкъ. Петръ призвалъ къ дѣятельности русскія силы; ввѣрилъ различныя отрасли управленія природнымъ русскимъ. Они были неопытны, могли надѣлать ошибокъ; но ошибки и неудачи имѣютъ и свою выгодную сторону: заставляютъ быть осторожнѣе, научаютъ уму-разуму, образуютъ ха-

рактеръ и волю человѣка. Притомъ же отдать власть иностранцамъ значило бы принизить достоинство народа и въ сущности затормозить умственное и общественное развитіе Россіи. «У Петра — говоритъ Соловьевъ — было правило: во главѣ управленія ставить русскаго человѣка; второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ; вслѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ». При Петрѣ Великомъ на главнѣйшихъ дипломатическихъ мѣстахъ были природные русскіе; въ сенатъ безусловно не допускались иностранцы; въ коллегіяхъ они могли служить, но не иначе какъ на мѣстахъ второстепенныхъ

Слѣдя за ходомъ исторической жизни, Соловьевъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, когда Россіи суждено было выдерживать борьбу съ многочисленными невзгодами и бѣдствіями, и русскій народъ долженъ былъ, такъ сказать, помѣряться силами съ враждебною ему судьбою.

Страшная гроза собралась надъ Россіею въ началѣ семнадцатаго вѣка: земля замутилась; государство было на краю погибели; отовсюду сыпались на него удары за ударами; лучшіе люди пали жертвами безурядицы; толпы, враждебныя государству, брали явно верхъ. Въ это смутное и страшное время проявились во всей своей непобѣдимой силѣ единство вѣры и вошедшая въ кровь и плоть любовь къ родной землѣ. Русскіе люди соединились «духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному. Земля собралась, и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для ея очищенія.

Роковое испытаніе выдержала Россія въ длинный, нескончаемо-длинный для переживавшихъ его, періодъ со времени кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. «Люди западной Европы — говоритъ Соловьевъ — смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти восемнадцатаго вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствіе одной личной воли царя, со смертію котораго все вве-

денное имъ рушится, и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ, и наступило время повѣрки, проченъ ли установленный имъ порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразованія, не было болѣе; русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ, и ниспровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекшій изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка именно потому, что здѣсь русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ? Идеи и люди екатерининскаго царствованія явились ли по мановенію знаменитой императрицы или были приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго».

На рѣшеніи этого историческаго вопроса, въ самой постановкѣ котораго слышится сила ума, на повѣствованіи о временахъ Екатерины прерывается правдивый разсказъ историка-мыслителя. Многаго онъ не доказалъ, многое унесено имъ въ могилу. Но ключъ къ недосказанному находится въ появившихся въ свѣтъ томахъ исторіи и въ другихъ произведеніяхъ ея автора.

Труды знаменитаго историка и вѣрнаго сына Россіи заключаютъ въ себѣ такую цѣльную картину минувшей судьбы нашего отечества, такое здоровое разумѣніе исторической жизни Россіи, что останутся навсегда памятникомъ не только ума, таланта и учености автора, но и народнаго самосознанія, какъ проявилось

оно въ убѣжденіяхъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей современнаго намъ общества.

Произведенія, въ которыхъ выразилось народное самосознаніе, составляютъ литературную святыню народа. Къ нимъ обращаются мыслящіе люди для выясненія вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, для знакомства съ прошедшимъ и для разумной оцѣнки настоящаго; въ нихъ ищутъ спасительнаго указанія въ минуты повидимому безвыходнаго положенія, когда сердце сжимается при мысли о будущемъ. Воля Провидѣнія открывается въ исторической судьбѣ народа. Исторія представляетъ несомнѣнныя, неопровержимыя доказательства, что русскіе люди, предоставленные самимъ себѣ, не погибаютъ, и что въ годину тяжкихъ народныхъ испытаній нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, болѣе мудрыхъ руководящихъ началъ, какъ искренняя, не знающая колебаній любовь къ Россіи и живая, несокрушимая вѣра въ русскій народъ.